"Фиолетовый" сольником не назовещь, хотя, в общем, все предыдущие электрические Юркины альбомы были как раз сольниками, несмотря на мифическую группу ПРОХОДНОЙ ДВОР. На "Фиолетовом" Наумовские идеи разложены во многом на "коллектив единомышленников" — бывшего грузина (ныне калифорнийца) Игоря Абуладзе и натурального калифорнийца Рэя Гиля. Южные эти люди, как видно, совпали каким-то образом с холодно-урбанистическим "готическим блюзом" Наумова — и вот результат.

Ну что ж, пусть поклонники, несмотря на все предупреждения, втайне надеялись на акустику — получилось-таки натуральное электричество. Правда, за пять лет Юркиного отсутствия у нас тут здорово сместились акценты — и "электричество" для нас теперь грандж да рэп, да рэйв, которые не хороши и не плохи, но есть. Другие критерии. Прозрачный арт-роковый саунд "Фиолетового" кому-то может показаться старомодным и принадлежащим тому "русско-роковому" прошлому, которое уже мало кого интересует. Арт-рок ныне не в моде. Ну так что? Наумов никогда не был моден, а круг его поклонников порою напоминал секту своей отрешенностью от многих прочих музык. Да и то — после Наумова рок-плакаты не слушаются. Выделяясь сложностью, наворо-

KTOBHYTDM. Rockfurz, - 1996, - anp. (N31), - C,25.

Что ж — "если честно, бэби, идти

Rock вижи, - ченностью, истовой серьезностью любой — за малым исключением своих песен, он сам и сознательно ограничивал круг своих слушателей "У меня был период, когда я думал, что в мою музыку не врубится вообще никто". Никто и не врубился — в масштабах многомиллионной страны процент ничтожен. Хотя пару лет назад в "Горбушке" был аншлаг (избитое слово — просто пришли все, кто мог), и воскресшего, как из небытия — пару лет назад было еще такое чувство — Юру встречали потрясенной, с судорожными вздохами тишиной, обваливающейся после каждого номера в восторжен-

Но вот, боюсь, "Фиолетовый" половина из тех, кто слушал со слезами Наумова в "Горбушке", не примет. Или примет далеко не сразу. "Проблема в том, что у них есть устойчивое представление о том, кто я, по квартирным записям". И по концертному, добавлю, "Московскому Буги", который, как ни странно, нарасхват покупается теми, кто толком Наумова не знает вообще. Этакий человек с клевой гитаркой (а может, они думают, что это группа?). "Московский Буги" при этом альбом шикарный, откровенно хитовый, легкий, отвязный — если б Наумов повторил что-то подобное в студии, это было бы на "ура". А он решил просто сделать то, чего хотел всю жизнь — записать электричество. Он и мыслил-то часто подобными категориями, предваряя многие песни фразами типа: "Вообще-то ее надо играть помесью рокгруппы с симфоническим оркест-

против шерсти во все времена немалая честь, бэби, за нее мы заплатим сполна". Это не анархическое "я всегда буду против", это сознательная ломка стереотипов восприятия. Это очень некоммерческий шаг принципиально возвращаться на российскую публику и российский рынок нехитовым альбомом, в котором только одна четырехминутная песня (остальные — вдвое длиннее), и та — серьезная баллада, которую в FM-диапазоне никто не поймет. Но... "семилетнее молчание надо прерывать либо шедевром, либо не прерывать вовсе". Молчание он отсчитывает от электрического "Перекати-Поля", вся живая и записанная акустика не в счет, как всегда. И еще: "я ставил задачу — создание о..ительного альбома в отдельно взятой человеческой душе. И Булга-

ковский "Мастер...", и фильмы Тарковского, и картины Филонова не стали в момент выхода в свет хитами в национальном хит-параде, но х..ли, если хит-парад такой?" Самоуверенно, не правда ли? Но — как там у классика о взыскательном художнике? Юра считает, что создал гениальный альбом в РУССКОМ роке, и дело не в том, прав он или не прав — судить об этом может и будет всякий, и многим альбом будет непонятен или даже скучен, это нормально. Он не на всякого и рассчитан. "Все равно будут рождаться сильно и глубоко чувствующие мальчики и девочки, которые будут ис-

кать ЭТО в музыке, и найдут — в

моей работе". Она не для сиюминут-

ного успеха (которого может и не

быть — Наумов к этому вполне го-

тов) — он для вечности. Как любой компакт. Он столь же старомоден, как старомоден LED ZEPPELIN для тех, кто прыгает под рэйв. Становится ли LED ZEPPELIN от этого хуже?

Начинается альбом с эпической (то есть сразу взято круто) "Песни Последнего Неба" — самой, наверно, "процеппелиновской" вещи, вызывающей в памяти "Кашмир", причем не классический, а новый, пейдж-плантовский. Нанизываются, кружат привычные и уникальные наумовские аллитерации — "жизнь как жесть, как жест, как шест, как шествие на этот крест..." — кашмировские синкопированные навороты обернуты в скользящий шелк клавиш и разрублены ударными, нарезаны на куплеты и скреплены тянущим и мучающим голосом. Ах, готическая (псевдоготическая, на самом деле) гитара, ах, тающие в финале

После такого начала ждешь еще большей накрутки, шествия по восходящей — но дальше идет очень лирическая и, скажем так, любовная (чего мало у Наумова) баллада — об убийстве? Кого — любви, возлюбленной, кем? Фокус часто в том, что многие обожающие Наумова люди совершенно не понимают и не запоминают его текстов, просто медитируя на них, впуская в себя слова и внутри, печенками усваивая смысл, свой для каждого, конечно. "Этой ночью я похоронил ту, что звала меня к тебе..." — о ком это? Не все ли равно. Это — о любви.

А потом, почти с той же лирической ноты, начинается "Ночной Полет" — только это, наверно, уже не

о любви, а о смерти, которой нет, а есть жизнь вечная; предыстория в части первой и божественно красивая мелодия части второй. Будто ангел шепчет позади силуэта человека на подоконнике. О ком это? Не все ли равно. Наверно, о тех, кто ушел, но уцелел в музыке. Мощная. по нарастающей, раскрутка темы глобальность, достойная, вероятно. Бетховена (а знаем ли мы классику? гениальность всегда инстинктивна и невычисляема). Человеку на подоконнике показалось, что он летит, но он упал. и вот тело лежит на камнях — но это всего лишь тело. А музыка — вечна. И после жизнеутверждающего,

светлого "Полета" (банальные эпитеты, ну а как сказать?) — парадокс, обвал в темноту, в "Поролоновый Город". Самая известная из представленных на "Фиолетовом" песен и самая легко-буквально понимаемая, как правило — ну, о наркомании. Да, но не только. И спето-то иначе, чем всегда на концертах, низко, шепотом, стоном, магическое убийственное действо, тяжелое вяз-👱 кое наваждение. Другой вариант выхода, но уже не к жизни вечной, нет. И выворачивающая, тянущая нервы гитара, навязчивая, давящая мело-💆 дия, ад души мятущейся, рассказ уцелевшего в Апокалипсисе (будут ли уцелевшие?). "Мо-жет-я-бы-когда-ни-будь-спра-вил-бы-здесь-ново-сель-е" — через силу, через стиснутые зубы. Финал — и Поролоновый Город тает в лучах солнца, но как страшно было в нем! Вам бы здесь не бывать... Руины и силуэты летучих мышей на рассвете.

А дальше — "Сюрреалист", почти простая и "нормальным" почти голосом спетая акустическая баллада есть у Наумова вещи, которые можно было бы назвать оптимистичными, скажем, еще "В Ожидании Рассвета" из таких. "Я слишком хорошо знаю жизнь, чтобы быть реалистом" — кажущийся небольшим пролог к последней песне, "Еще Один Несчастный День", тоже почти акустической, лишь к концу поддержанной инструменталом - очень некоммерчески поставлены они в конец альбома, но так и надо: после "Поролонового Города" нужна серьезная прививка светлого отношения к действительности, тоже этак по-наумовски — "шанс ничтожен — ты жив для тех, кто внутри, и похоронен для тех, кто вовне". А мы кто? Ну, это кто как поймет. Шанс-то все-

Вероятно, это первая работа Наумова, представляющая собой не набор песен (пусть энергетически выстроенный), но цельную сюиту, развивающуюся по всем законам жанра. Правда, выстроил ее Юра немного по-виниловому, с четким делением на две "стороны". Ну так истинные ценители, говорят, как раз предпочитают винил си-дишкам. И еще: альбом, по природе своего происхождения, имеет двуязычное название, и английский вариант -"Violet" означает не только "фиолетовый", а еще и "фиалка". И — я уверена — эта не та незаметная весенняя фиалочка, символизирующая скромность, но роскошная и редкая ночная фиалка, северная орхидея, распространяющая терпкий и неповторимый аромат в северной ночи. Вот так.

....

Е. БОРИСОВА

layueb Home

96

90101

#31, апрель, 1996г.

ROCKFUZZ